

подписка принимается:

Въ Ташкентѣ. — въ конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева.

Въ С.-Петербургѣ — въ книжныхъ магазинахъ А. О. Бабунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіатскихъ нарѣчіяхъ. — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

3-го МАЯ № 14. 1871 ГОДА.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во все города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

О муллахъ въ киргизской степи (**).

Въ настоящее время, когда вниманіе правительства отъ другихъ преобразованій обратилось и на киргизскую степь, мы думаемъ, что вопросъ о киргизскихъ муллахъ долженъ въ этихъ преобразованіяхъ занять не послѣднее мѣсто. При этомъ считаемъ долгомъ оговориться заранѣе: все, что мы будемъ рассказывать, относится исключительно къ восточной части киргизской степи, т. е. къ бывшей области Сибирскихъ киргизовъ.

Мулла киргизской степи можно раздѣлить на двѣ категоріи, именно: мулла указ-

(*) Таджики, евреи, цыгане, индійцы не участвуютъ въ подниманіи эмировъ на кошмѣ.

(**) Прочитано въ открытомъ засѣданіи Туркестанскаго отдѣла общества любителей естествознанія 8 апрѣля.

ныхъ, назначаемыхъ отъ правительства, и частныхъ, назначаемыхъ уже указными муллами, а иногда и просто самозванцевъ. Какъ тѣ, такъ и другіе весьма уважаемы и пользуются большимъ почетомъ; послѣднихъ, т. е. муллъ не утвержденныхъ правительствомъ, киргизы еще больше уважаютъ, потому что они всегда находятся у нихъ на глазахъ и слѣдовательно всякую требу могутъ исполнить по первой просьбѣ.

При поѣздкахъ моихъ по степи, мнѣ часто случалось разговаривать съ муллами, и на вопросъ мой, откуда онъ и гдѣ получилъ образованіе, я всегда почти получалъ отвѣтъ: «былъ торгующій татаринъ казанской губ.», и дѣйствительно, мулла изъ киргизъ рѣдко можно встрѣтить; кроме татаръ попадаются еще шатающіеся *ходжи* (*), изъ разныхъ, сосѣднихъ съ киргизскою степью, азійскихъ государствъ.

Татаринъ, пріѣхавшій въ киргизскую степь и желающій сдѣлаться муллою, обыкновенно нанимается сначала къ кому нибудь учителемъ; при этомъ ведетъ себя какъ можно скромнѣе, прилежно занимается своими учениками и, главное, показываетъ видъ, что не обращаетъ вниманія на женщинъ; дни и ночи просиживаетъ за утомительнымъ для него чтеніемъ корана, или другихъ какихъ, имѣющихся подъ рукой, священныхъ книгъ; всѣ разговоры свои пересыпаетъ текстами изъ книгъ и темы для разговора выбираетъ всегда духовнаго содержанія. Эти поступки мало по малу начинаютъ обращать на него вниманіе окружающихъ киргизъ; сначала къ нему приходятъ за какими нибудь маловажными совѣтами, потомъ начинается приглашеніе на вычитываніе какого нибудь больнаго, и если случится, что послѣ его вычитываній больной вскорѣ выздоровѣетъ, тогда личность этого татарина дѣлается популярною не въ одномъ аулѣ; приглашенія на вычитываніе больныхъ являются уже чаще, а между тѣмъ этотъ скромный учитель, выписавши нѣсколько молитвъ изъ корана, старается раздавать ихъ киргизамъ, увѣряя, что имѣтъ эти молитвы при себѣ необходимо каждому правовѣрному; женщины, охотницы до такихъ молитвъ и разныхъ талисмановъ, не скупясь вознаграждаютъ за нихъ будущаго муллу. Напрактиковавшись такимъ образомъ съ годъ, татаринъ начинаетъ уже славиться муллою. Тогда онъ и безъ приглашенія не лѣнитъ посѣщать аулы болѣе богатыхъ киргизъ, имѣя отъ этого существенную пользу; — во первыхъ онъ можетъ въ большомъ количествѣ и за хорошія цѣны сбывать свои заговоры и талисманы, а во вторыхъ, рассказывая легковѣрнымъ киргизамъ законъ и требы магометанской религіи, какъ самъ ихъ понимаетъ, и разныя скандальныя исторіи, случившіяся во время Магомета, пріобрѣтаетъ въ народѣ извѣстность и довѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію самихъ муллъ, и *садака* (**).

Такимъ образомъ, проживъ въ степи нѣсколько лѣтъ, этотъ, не имѣющій ничего за душой, торгошъ, дѣлается владѣльцемъ не маленькаго табуна скота, и тогда-то онъ начинаетъ подумывать о женитьбѣ, чтобы тѣмъ самымъ еще крѣпче связать свои узы съ окружающимъ его народомъ. Правду говоритъ киргизская пословица: «разбогатѣвшій татаринъ женится, а разбогатѣвшій русскій—строитъ домъ». Удѣливъ часть имѣющагося у него скота, онъ дѣлается женихомъ дочери какого нибудь богатаго и знатнаго киргиза; собственно говоря, женитьба на киргизкѣ для такого авантюриста не представляетъ особенной заманчивости; рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ въ своемъ городѣ жены и дѣтей, онъ могъ бы и ихъ выписать, но это для него не совсѣмъ выгодно. Женившись же на киргизкѣ, онъ пріобрѣтаетъ себѣ вѣрныхъ покровителей, въ лицѣ родственниковъ своей жены; въ указные муллы поступить тогда дѣлается уже гораздо легче.

Грамотные киргизы въ степи хотя и есть, но число ихъ самое не значительное; пользуясь этимъ, желающій быть указнымъ муллою, самъ пишетъ приговоръ по татарски и затѣмъ начинаетъ обращаться съ просьбою о приложеніи печатей. Но и это дѣлаютъ очень не многіе; большая часть беретъ листъ бѣлой бумаги и идетъ къ лицамъ, болѣе вліятельнымъ, чтобы они приложили печати. Иногда мулла, чтобы достигнуть цѣли уже навѣрное, устраиваетъ у себя пиръ, на который и приглашаются эти вліятельныя лица; здѣсь онъ угощаетъ ихъ по горло кумызомъ, чаемъ, бараниной и въ особенности кониной. Навѣвшіеся гости считаютъ уже не ловкимъ отказать отъ такого пустышнаго дѣла, какъ приложеніе печати. Если на листѣ набралось печатей пять—шесть, то о буду-

щихъ нечего и заботиться. Киргизъ, видящій на бумагѣ печати поставленные раньше его, иной разъ и не спроситъ, о чемъ будетъ написано на бумагѣ. Если киргизы не очень разбросаны своими кочевками, то въ какихъ нибудь недѣли двѣ мулла пріобрѣтаетъ листа три, наполненныхъ печатями (*).

Но можетъ случиться, что киргизы, къ которымъ мулла обращается съ вышеупомянутою просьбою, имѣютъ въ виду уже другаго; тогда, разузнавъ объ этомъ, татаринъ прибѣгаетъ къ какой нибудь хитрости; онъ выдумываетъ что нибудь въ родѣ того, что на бумагѣ будетъ написано только о его хорошемъ поведеніи, угощенные же киргизы охотно вѣрятъ этому.

На набранныхъ такимъ образомъ листахъ, мулла самъ пишетъ приговоръ общества, желающаго имѣть его указнымъ муллою, надъ каждой печатью надписываетъ фамиліи лицъ, приложившихъ печати, и вмѣстѣ съ прошеніемъ представляетъ этотъ приговоръ куда слѣдуетъ. Въ Приказѣ приговоръ обыкновенно кладется подъ сукно, а желающаго сдѣлаться муллою просятъ пріѣхать для «совѣта»; потомъ этотъ самый приговоръ передается засѣдателю для производства удостовѣренія. Надобно замѣтить, что въ Приказахъ есть два рода засѣдателей: одни русскіе, назначаемые отъ правительства, другіе же избираются обществомъ киргизъ изъ своей среды. Если приговоръ передается засѣдателю изъ киргизъ, тогда будущему муллоу нечего и говорить; часто случается, что засѣдатель, получившій приговоръ, и не вызываетъ въ то мѣсто, гдѣ слѣдуетъ произвести удостовѣреніе, а тутъ же, въ Приказѣ, пишетъ подтвержденіе имѣющагося у него въ рукахъ приговора, ставятъ печати, врученные ему по добротѣ сердечной киргизами (**), прикладываютъ, съ помощію муллы, тамги, и дѣло кончается. По представленіи въ Приказъ произведеннаго удостовѣренія, мулла во второй разъ пріѣзжаетъ туда для «совѣта», по окончаніи котораго и получаетъ обратно засвидѣтельствованный приговоръ. Теперь, собравъ имѣющіеся у него пожитки, онъ отправляется въ г. Уфу, къ муфтію, гдѣ въ духовномъ собраніи долженъ выдержать экзаменъ на знаніе муллы. Поѣздка эта устраивается, смотря по обстоятельствамъ, или на свой счетъ, или же на счетъ общества. Пріѣхавши въ Уфу, будущій мулла сбрасываетъ съ себя все, что только на немъ есть богатаго, принимаетъ скромный видъ и опять преобразуется въ бѣдняка. Какъ онъ тамъ держитъ экзаменъ и какіе еще претерпѣваетъ метаморфозы, мы про это не знаемъ, но извѣстно только то, что небыло еще примѣра, что бы уѣхавшій держать экзаменъ возвращался оттуда, не получивъ желаемаго. Свидѣтельство, выдаваемое изъ духовнаго собранія, представляется тому начальству, отъ котораго уже зависитъ утвержденіе его въ званіи муллы; въ послѣдній разъ приходится еще похлопотать, и этимъ кончается вся исторія.

Сдѣлавшись такимъ образомъ указнымъ муллою, татаринъ старается уже, чтобы въ томъ округѣ, гдѣ ему предоставлено право властвовать, было какъ можно меньше ему подобныхъ. Скромный учитель преобразуется теперь въ важнаго барина, который на какіе нибудь просьбы бѣдняка не хочетъ обращать и вниманія. Для нихъ онъ назначаетъ втершихся къ нему мало грамотныхъ татаръ или ходжей, самъ же ведетъ знакомство только съ богатыми. Послѣ этого нисколько не удивительна та безурядица, которая идетъ у киргизъ, хотя бы напримѣръ относительно брачныхъ союзовъ. Въ Каркаралинскій окружный приказъ, какъ это можно видѣть изъ дѣлъ, очень часто поступаютъ жалобы по брачнымъ союзамъ, и вотъ что по этому случаю говоритъ одно донесеніе этого приказа:

«Жалобы по брачнымъ союзамъ происходятъ главнымъ образомъ отъ неимѣнія въ Каркаралинскомъ округѣ достаточнаго числа духовныхъ лицъ магометанской религіи; для исполненія обрядовъ, на цѣлый округъ имѣется только одно духовное лицо—старшій ахунъ Х. С.

«Естественно, что ахунъ С., не имѣя возможности самъ исполнять всѣхъ обрядовъ религіи, въ особенности при рѣдкихъ поѣздкахъ по округу (разъ, или много два, въ годъ) и чувствуя себя единственнымъ и полноправнымъ господиномъ въ дѣлахъ религіи въ округѣ, нашелъ возможнымъ возложить исполненіе, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ обрядовъ въ волостяхъ на частныхъ извѣстныхъ ему лицъ изъ татаръ и киргизъ; а между ними, бла-

(*) *Ходжи* наз. особый классъ магометанъ, считающихъ себя потомками Магомета; они, какъ и султаны, въ народѣ считаются «бѣлой-костью».

(**) Подъ словомъ *садака* или *садаха*, можно разумѣть всякое подаяніе, идущее мулламъ, какъ-то: деньги, лошади, вещи, и проч.

(*) Извѣстный въ степи же-пророкъ Мансуровъ, желая сдѣлаться муфтіемъ, собралъ такимъ образомъ до трехъ тысячъ печатей, отъ которыхъ, во время производства надъ нимъ слѣдствія, всѣ отказались.

(**) Киргизы, имѣющіе печати, никогда почти неимѣютъ ихъ при себѣ; они отдаютъ ихъ засѣдателямъ, чтобы въ случаѣ надобности не безпокоиться поѣздкою въ Приказъ; этими-то печатями и пользуются въ такихъ случаяхъ засѣдатели.

годаря легковѣрію киргизъ, втерлись и лица постороннія ахуну, проходимцы изъ Ташкента и другихъ мѣстъ, носящіе званіе ходжей.

«При такомъ порядкѣ, гарантированномъ одними лишь личными интересами, естественно возникли безпорядки, въ особенности при совершеніи брачныхъ союзовъ, которые были совершаемы и теперь совершаются незаконно, безъ занесенія въ метрическую книгу, просто свodomъ, и расторгаются такимъ образомъ: или родители отберутъ жену отъ мужа, или мужъ прогонитъ жену, или, на оборотъ, жена убьетъ отъ мужа и выйдетъ за другаго. Но иногда совершаются еще болѣе вредныя и сами по себѣ отвратительныя браки: это браки несовершеннолѣтнихъ и даже малолѣтнихъ съ лицами, достигшими болѣе нежели зрѣлаго возраста. Такъ, недавно обратившаяся въ приказъ, съ жалобою на стѣненіе татаръ, 10-ти лѣтняя женщина — ребенокъ, по имени Калипа, объяснила, что она уже вдова умершаго киргиза Кожабаса Джитыбаева и повѣнчана оставшимся въ Каркаралахъ (за отъездомъ ахуна), для совершенія обрядовъ, киргизомъ Амандосомъ Кошетеровымъ. Этотъ Кошетеровъ въ вѣнчаніи ея не сознался, а уклончиво отвѣчалъ, что онъ только благословилъ Калипу и жениха ея на бракъ.

«Не очень давно вступила въ Приказъ также жалоба киргизки Бабеки на самого Ахуна за не—повѣнчаніе дочери ея съ выбраннымъ ею женихомъ. На вопросъ, сдѣланный ахуну, о препятствіяхъ къ браку, ахунъ сначала отозвался, что невеста была уже просватана, или лучше — находилась въ свободномъ бракѣ съ киргизомъ Татышевымъ и потому не извѣстно ему, рассчитались-ли ея родные съ Татышевымъ, или нѣтъ; когда это затрудненіе было устранено, то ахунъ выразилъ еще одно, и довольно пустое затрудненіе: что невеста, давно уже разошедшаяся съ Татышевымъ, не имѣетъ отъ него разрѣшенія на выходъ вновь въ замужество. Когда и на это ему было объяснено, что подобный бракъ считается не дѣйствительнымъ и слѣдовательно ни какого разрѣшенія отъ прежняго сожителя уже не нужно, то и за этимъ ахунъ остался при своемъ убѣжденіи, и только вслѣдствіе формальнаго предложенія долженъ былъ исполнить просьбу просительницы.

«Объясненныя выше дѣйствія духовныхъ лицъ приводятъ къ тому заключенію, что такой господинъ, какъ ахунъ Х. С., дѣйствуетъ такъ, какъ только угодно его милости; такимъ же образомъ, въ видахъ его интересовъ и своихъ собственныхъ, дѣйствуютъ и поставленные имъ, для совершенія религіозныхъ обрядовъ, лица, но ни чуть для интересовъ, пользы и спокойствія окружающаго киргизскаго народа».

Я приведу еще одинъ случай, который замѣчателенъ между прочимъ и тѣмъ, что хорошо характеризуетъ тѣ варварскіе обычаи, которые не оставлены киргизами и до сихъ поръ.

Одна молодая дѣвушка, по имени Мадіанъ, дочь знатнаго киргиза Ичукова, еще въ дѣтствѣ была просватана за сына пріятеля Ичукова, Козумбая. Придя въ возрастъ, Мадіанъ, вопреки желаніямъ отца, полюбила другаго киргиза, за котораго и рѣшилась выйти за мужъ. Зная, что отецъ не дастъ имъ на это позволенія, Мадіанъ бѣжала со своимъ возлюбленнымъ; любовники направились къ одному, славившемуся своею извѣстностью, муллѣ, который, взявъ порядочную сумму денегъ, обвѣнчалъ ихъ. Вполнѣ увѣренные, что по случаю ихъ побѣга завяжется дѣло, они просили у муллы свидѣтельство о вѣнчаніи. Мулла далъ. Дѣйствительно, отецъ Мадіанъ, узнавъ о ея поступкѣ, подалъ въ Приказъ прошеніе, присовокупляя при этомъ, что дочь его, уходя изъ аула, унесла вещей на 200 руб. Навелъ справки у вѣнчавшаго ихъ муллы, но мулла на отрывъ отказался отъ всего, и записку, данную имъ молодымъ супругамъ, объявилъ поддѣльною. Началось дѣло и продолжалось бы можетъ быть очень долго, но отецъ Мадіанъ, соскучившись ждать рѣшенія, подговорилъ нѣсколько человекъ своихъ знакомыхъ, началъ съ ними на аулъ своего зятя и отобралъ силою бѣжавшую дочь. Пріѣхавши домой, Ичуковъ велѣлъ раскалить два желѣзныхъ прута и этими прутьями началъ прижигать дочери сначала половыя части, приговаривая: «чтобы не блудила», потомъ виски, чтобы не думала, и наконецъ пятки, чтобы не бѣжала. Кончивъ эти истязанія, отецъ бросилъ бѣдную женщину въ пустую юрту и запретилъ, кому бы то ни было, за ней ухаживать. Мужъ несчастной Мадіанъ старался выручить свою жену изъ рукъ кровожаднаго отца, подавалъ жалобы, но такъ какъ мулла, вѣнчавшій ихъ, отказался отъ совершенія обряда, то и просьбы считались не имѣющими никакого основанія.

У постели больного первое мѣсто также принадлежитъ муллѣ. Онъ обыкновенно сидитъ съ какою нибудь развернутою книгою, бормочетъ что-то себѣ подъ носъ, и только по временамъ обращается къ больному. Это называется «вычитываніемъ злыхъ духовъ».

Мнѣ однажды случилось быть свидѣтелемъ подобнаго вычитыванія: въ юртѣ, гдѣ я сидѣлъ съ родственниками больного, господствовало глубокое молчаніе; больной лежалъ въ другой юртѣ, поставленной рядомъ съ нашею. Мулла былъ также тамъ. Мы сидѣли по крайней мѣрѣ часъ, не произнося ни одного слова. Наконецъ вошелъ мулла. Помолчавъ немногое, мулла, докторальнымъ тономъ, началъ говорить что-то въ родѣ проповѣди. «Вы, киргизы, не умѣете пользоваться божьими благодѣяніями; Богъ, зная грѣховность человека, для нашей же пользы установилъ законъ; а что же мы дѣлаемъ? Мы забываемъ эти законы, мы, погруженные въ заботы о земномъ и временномъ богатствѣ, позабываемъ даже и самого Бога, никакой благодарности ему не приносимъ, не молимъ о прощеніи грѣховъ, забываемъ, что на томъ свѣтѣ предстоитъ намъ страшный судъ; насъ грѣшныхъ будутъ мучить въ огнѣ, въ аду. Кто же насъ тогда защититъ, когда мы теперь, заранее, не хотимъ себя очистить? Знаете ли вы ту молитву, которую каждый правовѣрный долженъ знать? Конечно вѣтъ! Эта молитва называется «Иманъ». Послѣ смерти и похоронъ cadaго мусульманина, когда родственники и знакомые, схоронивъ его, отойдутъ на 40 шаговъ отъ могилы, къ погребенному явится два ангела *мункиръ* и *наккиръ* и спросятъ у него эту молитву. Незнающій ее долженъ будетъ подвергнуться истязанію отъ этихъ двухъ ангеловъ, которые сначала будутъ бить и мучить *гузьями* (огненные прутья), а потомъ, для продолженія мученія, его бросятъ на терзаніе звѣрямъ и насѣкомымъ. Вы не даёте *закетъ* съ имѣющагося у васъ скота, который вы должны давать мулламъ, смотря по своему богатству; на недавшаго *закетъ* падаетъ проклятіе божіе, какъ на него, такъ и на его семейство, на его скотъ, однимъ словомъ на все, даже на одежды и на пищу, которую онъ употребляетъ. *Фидью* вы должны также давать мулламъ, за грѣхи и за не исполненіе покойнымъ во время своей жизни пяти-временнаго намаза, дабы получающій *фидью* мулла замолилъ грѣхи его.

Въ это время въ сосѣдней юртѣ больной сильно замечался и застоналъ; мулла, вставъ поспѣшно, вышелъ. Всѣ присутствующіе въ юртѣ сидѣли, какъ пораженные громомъ; они въ тихомолку начали совѣтоваться какъ бы упрости мулла выписать имъ эту молитву «Иманъ» и узнать, какую часть изъ своего имущества должно отдавать муллѣ въ *закетъ* и *фидью*. Когда мулла опять возвратился въ нашу юрту, киргизы объявили ему о своемъ намѣреніи узнать молитву «Иманъ» и просили опредѣлить *закетъ* и *фидью*. Мулла исполнилъ ихъ желаніе, молитва была выписана, а про *закетъ* и *фидью* онъ объявилъ, что въ книгахъ не сказано, сколько долженъ давать каждый мусульманинъ; назначеніе предоставлено-де самимъ мулламъ.

На другой день больному сдѣлалось лучше, и мулла, прожившій уже три дня въ этомъ аулѣ, началъ собираться въ дорогу; въ эти три дня онъ собралъ: садака, *закетъ* и *фидью* за давно умершихъ киргизъ. Выѣзжая изъ аула, ему нужно было нанять работника, чтобы гнать составившійся у него небольшой табунъ скота. Выписанная же молитва пошла по рукамъ, всѣ старались заучить ее какъ можно лучше, но увы—для стариковъ это было не совсѣмъ легко: молитва была написана на арабскомъ языкѣ!

А выѣхавшій изъ аула мулла, навѣрно, прибывъ въ другой аулъ, опять начнетъ свою проповѣдь и опять будетъ выписывать легковѣрному народу свою не понятную молитву. И будетъ онъ такъ ѣздить, пока не встрѣтится съ другимъ, подобнымъ себѣ шарлатаномъ, откуда уже и направится домой. И подобныхъ субъектовъ шатается въ степи не одинъ, не два, а цѣлыя десятки, можетъ быть даже и сотни, и морочатъ они легковѣрныхъ киргизъ, вытягиваютъ съ нихъ послѣдніе ихъ пожитки. Киргизы видятъ, какъ съ теченіемъ времени все больше и больше уничтожаются ихъ старые обычаи и порядки, на каждомъ шагѣ замѣчаютъ, что ихъ вольная волюшка утекаетъ безвозвратно, и думаютъ, что хоть небольшую поддержку могутъ найти въ этихъ блюстителяхъ вѣры, которая, сравнительно съ другимъ, все-таки не претерпѣваетъ такихъ перемѣнъ. Это, какъ намъ кажется, и заставляетъ киргизъ почти безпрекословно подчиняться требованіямъ муллы. Но киргизы и въ этомъ ошибаются; муллы нисколько не заботятся о чистотѣ магометанской религіи, да они и сами очень плохо ее понимаютъ.

Единственная ихъ забота: набить себѣ потуже карманъ.

Разгадавъ эту слабую струну своей паствы, муллы иной разъ выбираютъ очень сильные импульсы для поддержанія своего вліянія. Такъ, въ 1856 году, по одному округу области Сибирскихъ киргизовъ пронеслась вѣсть, что какой—то киргизъ, ѣздившій въ г. Петропавловскъ, возвращаясь оттуда, встрѣтилъ на дорогѣ не извѣстнаго ему человѣка, который былъ одѣтъ во всемъ бѣломъ и сидѣлъ на бѣломъ конѣ; киргизъ, увидавъ его, испугался; между тѣмъ незнакомецъ, скакавшій ему на встрѣчу, почти у самого его носа остановился, скоро проговорилъ аманъ (здравствуй) и началъ слѣдующее:

«Вы, киргизы, совершенно обрусѣли, одежды ваши вовсе не похожи на одежды вашихъ предковъ; вы забыли, что предки ваши носили одежды широкія, вы же обтягиваете себя, изъ подражанія русскимъ, и иной разъ васъ нельзя бываетъ узнать. Богу вы не молитесь, дѣтей не учите, однимъ словомъ у васъ перемѣнилось все, все и все. Вотъ тебѣ бумага, которую самъ пророкъ приказалъ мнѣ передать вамъ. Объяви объ этомъ народу, и скажи, что кто не повѣритъ этому, тотъ *кафиръ* (не-вѣрующій)». При этихъ словахъ незнакомый человѣкъ скрылся, а киргизъ, къ которому были обращены эти слова, отъ страха не могъ двинуться съ мѣста. Ему показалось, что незнакомецъ ушелъ въ землю.

Легко представить, какую тревогу надѣлало это извѣстіе о бумагѣ, привезенной киргизомъ. Черезъ недѣлю объ этомъ зналъ уже цѣлый округъ (и навѣрно вѣсть эта вскорѣ разошлась бы по всей степи), а вскорѣ послѣ этого въ другомъ округѣ повторилась та же самая исторія. Къ сожалѣнію, я не имѣю подъ руками этого втораго посланія отъ пророка, но смыслъ его тотъ же самый; какъ и перваго. Въ киргизы начали перешивать свои одежды: чамбары, рубахи, все перекроилось, все приняло широчайшіе размѣры. А пользы это посланіе принесло конечно всего больше мулламъ; они были его толкователями, причемъ не приминули выразить свое благоговѣніе къ этому посланію и съ своей стороны начали упрашивать киргизъ покориться безпрекословно словамъ пророка.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Цѣна за **ПРИЛОЖЕНІЯ**, издаваемые на мѣстныхъ азіатскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.;
на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

25го Іюля № 29. 1872 ГОДА.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬ- НЫЙ.

Очерки Перовскаго уѣзда.

Киргизы Перовскаго уѣзда со всѣмъ своимъ скотомъ зимуютъ въ *тааяхъ* (рощи) обоихъ береговъ рѣки Сыръ-Дарьи.

Въ суровыя зимы, и когда мало запащено сѣна (каждый киргизъ хотя не много жнетъ сѣна: аржаникъ, солодку и молодой камышъ), бараны и верблюды отгоняются въ Кызылъ-кумы, гдѣ пользуются снѣжной водой, но далеко отъ рѣки не уходятъ.

Главное богатство и источникъ жизни киргиза Перовскаго уѣзда — рѣка Дарья, съ ея рощами, разливами и камышами. Разливы рѣки даютъ хлѣбъ и отъ нихъ вполнѣ зависитъ обезпеченіе продовольствія кочевниковъ; рощи служатъ для

топлива, подфлук (юрты, посуда, охотничьи принадлежности и проч.), камыши дают строительный материал для скотских иригоновъ; изгородей, защищающих юрты отъ вѣтровъ и сѣжныхъ буряновъ, идутъ на кормъ для скота. Кормъ этотъ обезличиваетъ кочевника, въ случаѣ *джюда*, гололединъ, столь пагубной въ степяхъ. Такъ какъ въ Перовскомъ уѣздѣ камыша много, то и зимовки здѣсь причисляются къ однимъ изъ самыхъ лучшихъ во всей степи.

Сыр-Дарья даетъ жизнь не одному Перовскому уѣзду: разливы ея играютъ также чрезвычайно важную роль въ земледѣліи по всей Сыр-Дарьѣ. По этому изучить характеръ и свойства рѣки было бы далеко не бесполезно. Дарья оживляетъ прибрежныя мѣста не только тѣмъ, что поитъ разливомъ своими поля и засѣвы; шль ея имѣетъ также и значительныя удобряющія свойства. Такъ напр. замѣчено, что мѣста, обильно орошаемыя, не нуждаются въ удобрѣніи, и на нихъ, изъ года въ годъ, можно сѣять пшеницу, какъ извѣстно, требующую жирной почвы. Гдѣ поливъ не обилѣетъ, тамъ сѣютъ пшеницу чрезъ два года въ третій, и земля должна еще кромѣ того отдыхать подъ паромъ.

Разливы рѣки имѣютъ вліяніе на порядокъ и время посѣвовъ; слѣдовательно они распределяютъ время и трудъ прибрежнаго хлѣбопашца. Посѣять что бы то ни было, не соображаясь съ разливами, большею частію, значитъ не собрать съ полей ничего. Народъ знаетъ это, и изучилъ практически время и силу разливовъ. Всѣхъ ихъ бываетъ семь.

1) *Сяуръ* (апрѣль) тотчасъ же за взломомъ льда; происходитъ отъ напора льда сверху, когда устье рѣки еще покрыто льдомъ. Разливъ начинается послѣ 25-го марта и держится до первыхъ чиселъ апрѣля, а къ 15 числу вода уже сбываетъ.

2) *Гуль-Чалдыкъ* (4) время цвѣта липы) въ началѣ мая и продолжается до 7 дней.

3) *Гуль-срокъ* (2) время расцвѣта деревьевъ (въ серединѣ мая); продолжается 15 дней.

4) *Тайлякъ-тасу* (3) между 5 и 10-мъ іюнемъ. Самое быстрое движеніе воды, продолжается 10 дней.

5) *Чулау-тасу* (4) съ конца іюля до начала Августа.

6) *Кара-куйрюкъ* (5) начало августа не раньше 5 го числа; самый слабый и невысокій разливъ; продолжается пять дней.

7) *Сумбеле-тасу* (сумбеле-августъ) бываетъ въ концѣ августа; не великъ по высотѣ и количеству воды, но важенъ для овощей и клевера. Если Чулау-тасу не полилъ просо, то сумбеле уже не поправить его.

Послѣ спаденія сяура производится посѣвъ пшеницы, ячменя и расчистка арыковъ для полива новыхъ посѣвовъ и клевера. Въ это время земля еще влажна отъ только что стоявшаго снѣга и спавшей воды; солнце нагрѣло землю, но не высушило ее, такъ что посѣвы хорошо подымаются и подножный кормъ въ изобиліи.

Гуль-чалдыкъ—орошаетъ пшеницу, клеверъ, ячмень; послѣ него сѣютъ бакчи, но это успѣетъ, тотъ впрочемъ сѣетъ и раньше. Вообще посѣвъ овощей соображается съ теплотой ночей.

Гуль-срокъ—поливаетъ пшеницу, ячмень, огороды и клеверъ. Если ячмень озимый, то его снимаютъ до наступленія Тайлякъ-тасу, съ такимъ расчетомъ, чтобы успѣть оросить землю, для распахки подъ просо; въ этомъ случаѣ просо сѣютъ на мѣстахъ, гдѣ прежде былъ посѣвъ ячменя. Если же просо сѣютъ на новыхъ мѣстахъ, то предварительно орошаютъ землю Гуль-срокомъ, а первымъ поливомъ проса бываетъ тогда Тайлякъ-тасу. Вода бѣжитъ быстро, надо торопиться полить, иначе грозитъ засуха; чигири работаютъ день и ночь. Впрочемъ клеверъ и пшеницу никогда не

сѣютъ на чигирияхъ. Ко времени Тайлякъ-тасу ячмень и пшеница уже выросли, а потому ихъ не орошаютъ этимъ разливомъ.

Чулау-тасу — самый важный разливъ, такъ какъ онъ, хотя и не высокъ, но продолжителенъ. Вода наполняетъ только низкія мѣста и лога, а изъ нихъ уже подымаютъ ее на пашни и огороды чигириями.

Чигирь есть колесо, въ діаметрѣ до 2½ аршинъ; по наружной сторонѣ обода его привязаны наискось узкіе, продолговатые боченки, формы усѣченнаго конуса, съ глухимъ нижнимъ основаніемъ; ихъ дѣлаютъ изъ колочекъ. Колесо это помѣщается на деревянной оси, съ желѣзными шипами, въ бассейнѣ такой глубины, чтобы одновременно погружалось въ воду не болѣе четырехъ бочатъ. Это соблюдается для того, чтобы не подымать лишней воды, которая не можетъ удержаться въ нихъ, и, не принося пользы посѣву, только тяжестью своею напрасно утомляетъ быка, приводящаго въ движеніе чигирь.

На концѣ оси колеса придѣлывается вертикальное зубчатое колесо, ½ аршина въ діаметрѣ; рядомъ съ зубчатымъ колесомъ, на желѣзныхъ пятахъ, помѣщается вертикальный валъ, на которомъ укрѣплены шестерни, сдѣланные съ зубцами колеса оси. Къ вертикальному валу придѣланы рычаги, а если чигирь большой, то два рычага, къ которымъ и припрягаютъ быковъ, одного или двухъ. Быки ходятъ кругомъ и приводятъ чигирь въ движеніе. Для того, чтобы быки выносили эту работу, на глаза имъ накрываютъ кожаные колпаки, такъ что они ничего не видятъ. Ось чигири врывается въ землю, помѣщаясь въ желобѣ, отчего быкъ не имѣетъ никакого препятствія при движеніи. Работа происходитъ день и ночь; на каждый чигирь нужно 4 работника и 4 быка.

Для посѣва подъ чигирь, киргизы составляютъ артели, съ правомъ сѣять по ровну, мѣряютъ количество сѣмянъ чашками, въсомъ до 5-ти фунтовъ въ каждой. Обыкновенный чигирь въ пятнадцать дней поливаетъ двадцать чашекъ посѣяннаго проса. Поливъ полей производится по участкамъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ мѣсяцъ полить каждый участокъ два раза (два дня). Если артель большая и поливъ великъ, то ставятъ 2—4 чигири въ одной *тарти*. (*)

Когда мѣсто посѣва очень высоко, и разливъ слабъ, то ставятъ чигири уступами, такъ что первая тарта подымаетъ воду къ бассейну второй тарты, а вторая—на пашню. Иногда въ самой серединѣ времени разлива, вода начинаетъ быстро уменьшаться; тогда торопятся сдѣлать новый чигирь и ставятъ его на берегу, для того, чтобы поднять воду до первоначальнаго бассейна. Это требуетъ больше рабочихъ средствъ и замедляетъ поливъ, такъ что надобно очень торопиться, иначе просо погибнетъ отъ засухи, какъ это и случилось въ Перовскомъ уѣздѣ въ 1871 году.

Кара-куйрюкъ и сумбеле,—можетъ еще спасти огороды и клеверъ, но для проса самое дорогое время—чулау-тасу. Снимаютъ ячмень въ концѣ іюля, пшеницу въ августѣ, а просо въ октябрѣ.

Клеверъ (джерушку) жнутъ четыре раза въ лѣто, но поливать его необходимо каждымъ разливомъ, потому что клеверъ сѣютъ только на такихъ мѣстахъ, гдѣ не нужно чигирей и не можетъ быть недостатка въ водѣ, по неизменному положенію мѣстности. Чигири для клевера не могутъ принести никакой пользы.

Киргизы Перовскаго уѣзда, какъ сказано выше, на зиму всегда заготовляютъ хотя небольшое количество сѣна, но покосы возможны только послѣ гуль-срока; затѣмъ травы уже перезрѣваютъ, отчего сѣно выходитъ плохое, грубое и не душистое. Жнутъ оржанку, солодку, а гдѣ ихъ нѣтъ, то камышъ. Если бы возможны были покосы камыша въ маѣ, когда онъ еще зеленъ и не далъ цвѣта, то всѣ такіе мѣста въ нѣсколько лѣтъ обратились бы въ хорошіе поемные луга; но къ сожалѣнію, этого не бываетъ. Лошади ѣдятъ камышъ только въ суровыя зимы, съ голоду, но для жвачныхъ животныхъ камышъ составляетъ весьма удовлетворительный кормъ, который они ѣдятъ охотно, особенно молодой. Это обстоятельство, какъ мы уже знаемъ, заставляетъ киргизъ оставлять лошадей на лѣтовкахъ и зиму и лѣто. Такимъ образомъ зимою имущество перовскихъ киргизъ бываетъ раздѣлено: кони, бѣлыя юрты и все лучшее имущество остаются на линіи, въ сѣверной части степи, на Сырѣ же они приходятъ на легкія или, какъ у насъ говорятъ,—хуторами.

Киргизы зимуютъ въ рощахъ и камышахъ по обѣимъ сторонамъ Дарьи, ея заливовъ и рукавовъ. Барановъ и свободныхъ верблюдовъ отгоняютъ иногда въ Кызылъ-кумы, но недалеко отъ берега; киргизы не идутъ къ колодцамъ въ этой степи, а пользуются снѣжною водою. Волости: Джулекская, Головачевская, Сары-

(*) Бассейнъ, гдѣ ходитъ чигирь и навѣсь, гдѣ работаютъ животные, называется *тарти*.

(1) Чалдыкъ—липы.

(2) Гуль—цвѣтъ; срокъ—палки, которыми подпиралъ юрты, а также бакани, для подъема *чегерака* (верхній кругъ юрты).

(3) Тайлякъ—двухъ годовалый верблюженокъ. Животное это въ такомъ возрастѣ отличается веселостію, игривостію, которая особенно рѣзко бросается въ глаза, при сравненіи его съ старыми, меланхолическими невозмутимыми верблюдами, впрочемъ кромѣ временныя точки, когда верблюды становятся свирѣпы, такъ что кочевники надѣваютъ на нихъ желѣзные луги. Такой характеръ верблюжатъ, вошелъ въ фигуральныя обороты киргизскаго языка; говорятъ: *уйнайде-тайлякъ семилды*—играетъ, какъ верблюженокъ. Есть пословица: *Сартъ ирюкс-сакалъ синайде*, *Казакъ ирюкс-тайлякъ уйнайде*.

т. е.

Сартъ бездѣлничаетъ (въ смыслѣ кейфа) бороду поглаживаетъ, верблюженкомъ играетъ.

Тасу-разливъ. Название разлива: Тайлякъ-тасу наводитъ на мысль, что этотъ разливъ игривъ, быстръ. Таковъ и есть въ действительности Тайлякъ-тасу. Онъ быстро наступаетъ, мчитъ по рѣкѣ, срывая деревья, отрывая берега, но за то скоро проходить.

(4) Чулау-портняжка; названіе это намекаетъ на низкое состояніе воды при разливѣ. Этотъ разливъ не глубокъ, не быстръ, но продолжается до полутора мѣсяца. Самый важный для хлѣбопашцевъ.

(5) Кара-куйрюкъ. Такъ называется порода козла, и также называется кистъ чернаго камыша. Разливъ называется такъ потому, что онъ совпадаетъ съ временемъ дѣвленія чернаго камыша.

Чаганакская и некоторые аулы Царской волости дѣлуютъ на Улу и Кши-тау и на Сары-су, при впадении въ нее рѣчки Кенгиръ, на урочищѣ Кара-яръ. Здѣсь впрочемъ лѣтуется не много ауловъ. Большинство располагается въ горахъ.

Лѣтовки эти нельзя признать удобными, въ смыслѣ приволья, какое нужно кочевникамъ, такъ какъ Улу-тау и Кши-тау служатъ зимовками сары-кульскихъ киргизъ, найманскаго рода.

Лучшія мѣста этихъ горъ заняты зимовками, такъ что свободныхъ мѣстъ почти нѣтъ и найманы уходятъ на Сибирскую линію, въ видахъ сбереженія корма на зимовкахъ, на которыхъ остаются одни только игенчи и необходимое имущество. Но это сбереженіе не удается, такъ какъ едва уходятъ сары-суйцы, какъ почти тотчасъ же приходятъ на ихъ мѣста перовскіе киргизы, и разумеется, не церемонятся ни съ кормами, ни съ игенчами, а порой—и съ оставленнымъ добромъ.

Найманы, желая предохранить свои зимовки отъ потравы, ставятъ на нихъ значки, но кто же будетъ уважать ихъ! Пастбища на этихъ мѣстахъ порождаютъ безконечные и každодняные споры, жалобы, а часто и баранту, между киргизами Перовскаго уѣзда и найманами Сары-суйскаго уѣзда. Перовскіе киргизы не церемонятся съ зимовками и стараются оставаться тамъ, какъ можно дольше; найманы же торопятся ихъ выгнать, чтобы сохранить уцѣлѣвшіе еще свои зимовки; по этому осеню рѣдко проходитъ безъ драки. Обыкновенно плохо приходится киргизамъ Перовскаго уѣзда, которые засидятся тамъ до октября, когда найманы придутъ все и сила оказывается на ихъ сторонѣ; зато найманы, раньше возвращающіеся, много терпятъ отъ перовскихъ киргизъ, когда послѣднихъ больше. Трудно разбирать такіе тяжбы, такъ какъ обѣ стороны правы и обѣ виноваты. Киргизы Перовскаго уѣзда не могутъ не ходить лѣтовать въ эти мѣста, такъ какъ имъ нѣтъ другихъ мѣстъ для лѣтовокъ, а найманамъ вѣроятно нѣтъ другихъ мѣстъ для зимовокъ; по этому столкновение неизбежно, а потравы въ степи дѣло обычное! Существуютъ цѣлыя томы переписки мѣстныхъ властей обѣихъ сторонъ о взаимныхъ обидахъ, но не видно имъ ни конца, ни пользы отъ такой многотомной переписки. Горы Улу-тау не такъ обширны, чтобы умѣстить и лѣтующихъ и зимующихъ киргизъ, а потому обѣ стороны не могутъ ими пользоваться, не обижая другъ друга.

Запретить найманамъ зимовать тамъ невозможно, такъ какъ тогда нужно дать имъ другія зимовки, а едва ли есть свободныя земли въ Сары-суйскомъ уѣздѣ. Но невозможно также запретить и перовскимъ киргизамъ лѣтовать въ этихъ мѣстахъ.

Можно было бы отвести найманамъ зимовки на Сырь, на Телекулъ и Телекулъ-тата, т. е. причислить ихъ къ Перовскому уѣзду, но тогда имъ придется лѣтовать на тѣхъ же горахъ, и является вопросъ: доставятъ ли для всѣхъ пастбища? По крайней мѣрѣ при спорахъ обѣ стороны претендуютъ на не совместное пользованіе горами, а на исключительное.

Лѣтующіе на урочищѣ Кара-яръ тоже не въ лучшемъ положеніи, такъ какъ ихъ также сгоняютъ рано съ этихъ мѣстъ и они рано спускаются на низовья Сары-су, гдѣ болѣютъ верблюды, отъ теплой воды въ рѣкѣ и въ озерѣ Телекулъ. Въ 1871 г. большая часть верблюдовъ Сары-Чаганакской волости переболѣла именно отъ этой причины; на Сырь же имъ нельзя придти раньше 15 августа, такъ какъ, кроме теплой воды въ рѣкѣ, здѣсь не скрывается еще главный бичъ верблюдовъ оводъ, отъ непрерывнаго укушенія котораго животное слабѣетъ и издыхаетъ.

Часто употребляется выраженіе: *кочевая дорога*; некоторые полагаютъ, что такая дорога имѣетъ какое нибудь опредѣленное значеніе, что знаніе этихъ дорогъ можетъ быть полезнымъ въ смыслѣ военномъ вообще и стратегическомъ въ особенности. Такое мнѣніе ошибочно: кочевая дорога не есть путь, проложенный для соединенія какихъ либо важныхъ пунктовъ, а просто—дорога, ведущая съ одного стойбища на другое, дорога случайная, безъ которой часто можно обойтись, если путь не стѣсняютъ горы, переправы и не притягиваютъ къ себѣ колодцы. Кочевая дорога значитъ путь, по которому никогда не ходятъ караваны. Важно знать послѣдніе пути, которыхъ вообще немного, а кочевыхъ путей—сколько угодно и ихъ никто не знаетъ, кроме тѣхъ только киргизъ, которые кочуютъ на урочищахъ, пересѣкаемыхъ этими дорогами. Есть еще третій разрядъ путей: *разбойничьи дороги*; это—пути возможно кратчайшіе и тутъ уже не заботятся, ни о водѣ, ни объ удобствахъ. Нужно скорѣе убраться съ добычей, а потому чѣмъ короче путь, тѣмъ онъ пригоднѣе. Эти пути знаютъ только одни конокрады. Нельзя знать, а тѣмъ болѣе невозможно нанести на карту кочевыхъ дорогъ,

потому что народъ кочуетъ не линіей, а дѣлою полосой. Можно сказать, что та-кой-то аулъ или волость кочуютъ на такомъ-то урочищѣ, а какъ они туда пришли этого ни опредѣлить никто. Каждый шелъ такъ, какъ ему ближе, удобнѣе, шелъ по *направленію*, а не по дорогѣ. Случится тропа хорошо, нѣтъ—бѣда не велика!

На урочищахъ послѣ пришедшіе занимаютъ мѣста еще не занятые, не потравленные, а потому нерѣдко заднимъ, позже пришедшимъ, приходится еще бродить, пока они прищутъ себѣ подходящее стойбище. Нужно имѣть близко водопой, а если есть еще и лошади, то имъ нужны свѣжія мѣста, на которыхъ не ходили бараны, такъ какъ лошадь ѣстъ только верхушки травы, а бараны отгрызаютъ ее у корня; кроме того, бараны сильно выбиваютъ степь и оставляютъ на травѣ запахъ, котораго не любятъ лошади, и не ѣдятъ траву вскорѣ послѣ того, какъ на ней побывали бараны. Если кочевникамъ нужно перебраться съ Сыра на Улу-тау, то каждый идетъ съ зимовки, направившись къ сторонѣ Улу-тау, а какъ, какою дорогой,—это ужъ дѣло случая!

Первое движеніе на лѣтовки начинается въ началѣ марта; киргизы, ушедшіе въ Кызылъ-кумы, подгоняютъ барановъ къ Дарьѣ, такъ чтобы перейти еще по льду.

Къ 25-му марта переправа чрезъ рѣку почти окончена и кочевники направляются на низовья Сары-су, и именно: Джулекская волость чрезъ Саумалъ-куль, не переходя чрезъ р. Чу, Головачевская и Сары-Чаганакская—чрезъ Телекулъ и Телекулъ-тата. На урочищѣ, называемомъ Иске-Дарьялыкъ, въ апрѣлѣ и въ первыхъ числахъ мая бываютъ хорошіе корма, а потому киргизы здѣсь нѣсколько задерживаются, чтобы дать скоту время оправиться на свѣжей сочной травѣ, послѣ зимней голодовки. Въ водѣ еще нѣтъ недостатка въ это время, такъ какъ въ логахъ стоитъ еще снѣговая вода, а мѣстами заходитъ разливъ *сыуръ*. Въ это же время кочевники устраиваютъ свои дѣла съ игенчами, снабжая ихъ зерномъ, скотомъ, съ тѣмъ, чтобы они, въ свою очередь, удѣлили имъ изъ собраннаго хлѣба. Богатые аулы, у которыхъ скотъ въ порядкѣ, и предполагающіе идти далеко, въ началѣ апрѣля уже на Сары-су, урочищѣ Конуръ-тюбе, могилъ Вилекъ-ата, и другихъ.

У кого скотъ тощій, тѣ стоятъ дольше, до половины апрѣля, какъ позволяютъ кормъ и вода. Нѣкоторые игенчи, по богатѣ, также выгоняютъ свой скотъ недѣли на двѣ, на три на это урочище, послѣ чего возвращаются на пашни.

На низовьяхъ Сары-су киргизы стоятъ до половины апрѣля. Послѣ того они поднимаются на высоты: Чакмакъ-тюбе, Яманъ-Курганъ, и тутъ стоятъ до мая.

Въ май идутъ въ Муюнъ-кумъ, не стоятъ здѣсь не долго, 2—3 дня, поднимаются на урочище Атъ-Кинкъ, Джиръ-Камысъ и стоятъ до конца мая. Тѣ же, которые идутъ на Улу-тау, переходятъ на уроище Кокъ-ала-джиръ.

Въ началѣ іюня приходятъ на урочище Кара-яръ, при впадении рѣчки Кангиръ въ Сары-су: здѣсь остаются до половины іюня, когда начинается обратное кочеваніе на Сырь; сюда приходятъ въ половинѣ августа, выжидая на низовьяхъ Сыра-су исчезновенія оводовъ. Черезъ Иске-Дарьялыкъ проходятъ безъ остановки, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни корму, ни воды.

Идущіе на Улу-тау и Кши-тау, въ май переходятъ Кокъ-ала-джиръ и отсюда на верховья рѣчки Еспе, гдѣ стоятъ 2—3 дня. Въ это же время нижнее теченіе рѣчки Еспе занимаютъ кочевники Царской волости, идущіе на Улу-тау и Кши-тау.

Съ Еспе идутъ на рѣчку Маманъ, имѣя съ лѣвой стороны пески Токумъ-тыканъ. Здѣсь стоятъ до конца іюня. Въ іюлѣ переходятъ на горы Дюсембай и разсыпаются по рѣчкамъ, идущимъ въ этихъ горахъ, отъ Кши-тау въ концѣ іюля.

Часть народа, у кого скота меньше, а запасы продовольствія на исходѣ, остаются на Дюсембай до начала августа, когда начинается обратное кочеваніе, такъ, чтобы быть на Сырь въ сентябрѣ. Богатые, ушедшіе на Кши и Улу-тау, остаются тамъ до сентябля. Въ сентябрѣ найманы начинаютъ возвращаться на свои зимовки; въ этомъ же мѣсцѣ, какъ мы говорили уже, начинаются споры и драки. Перовскіе киргизы, будучи сильнѣе въ началѣ, не пускаютъ передовыхъ наймановъ, но зато къ концу мѣсяца сила переходитъ на сторону наймановъ и они гонятъ перовскихъ киргизъ. Вообще же, кто засидится долго въ горахъ, безъ драки не обойдется.

Волости: Джулекская, Сары-Чаганакская, Головачевская и тѣ киргизы другихъ волостей, которые лѣтуютъ на Улу-тау и Кши-тау, въ октябрѣ уже бываютъ на Сырь. Кто можетъ, переходитъ чрезъ Дарью на лодкахъ и плотахъ, но большинство ожидаетъ замерзанія рѣки.

Г. Загражскій